

ГЛАВА 2

По дороге из столицы катился придворный экипаж, в глубине его сидел господин, а рядом с ним на голубых шелковых подушках лежали принадлежности для игры в крокет. Карета только свернула на главную дорогу, пролежавшую вдоль пруда, как из чащи показался пешеход. Находившийся в карете господин тотчас же велел кучеру остановиться.

— Здравствуй, Майнау! — воскликнул он. — Не сердись на меня, если я замечу, что тебя ждут с замиранием сердца, а ты бродишь бог весть где!.. Липа уже давно стоит, и ты лишил дом Майнау возможности с гордостью передавать из рода в род предание, что твоя рука держала ствол липы в то время, когда Фридрих XXI засыпал землей ее корни.

— За это когда-нибудь завесят мой портрет траурным флером.

Господин в экипаже засмеялся и, отворив дверцу, движением руки пригласил Майнау сесть в экипаж.

— Как! Сесть в карету, Рюдигер? Нет, благодарю покорно! — воскликнул с комическим ужасом Майнау. — Я, слава Богу, еще не страдаю подагрой! Поезжай далее с гордым сознанием исполненной тобой миссии! Ведь ты должен был привезти забытый крокет, счастливец?

Рюдигер выскочил из экипажа, захлопнул дверцу и, приказав кучеру ехать вперед, пошел вместе с Майнау по тропинке, ведущей через парк к рыбачьей деревне... Странно было видеть их вместе: приехавший в экипаже был маленьким, полным и чересчур подвижным; товарищ же его был очень высок, так что ему приходилось часто раздвигать нижние ветви деревьев, чтобы не задеть их головой. Этот человек обладал незаурядной наружностью. В выразительном лице и во всех его движениях замечался какой-то демонический огонь, то мечтательно светившийся в его глазах, то через минуту

заставлявший нежную, мягкую руку его сжиматься в кулак, точно она готовилась свалить на землю ненавистного противника. Своевольный мальчик, которого мы видели в рыбацкой деревне, был невероятно похож на него.

— Так пойдем! — сказал Рюдигер. — К несчастью, на обед сегодня мы не опоздаем ни в коем случае... Брр! Детская кашка и пудинги во всевозможных видах!.. Выговора я также не боюсь, потому что приведу тебя с собой... *À propos*¹, ты дня на два уезжал, как сообщил твой Лео герцогине?

— Да, уезжал, достойнейший друг.

В этом лаконичном ответе звучала такая ирония, что у маленького подвижного господина вопрос «куда?» так и замер на губах... Они только что вышли из чащи, как перед ними открылся вид на спокойную поверхность пруда и рыбацью деревеньку, расположенную на другой его стороне.

Под липами были расставлены покрытые белоснежными скатертями столы. Между ними и тем из домиков, у дверей которого был виден герцогский повар в белом колпаке, суетившийся у плиты, бегали взад и вперед официанты — готовился обед.

Взволновавшая всех сцена, разыгранная маленьким Лео, была давно забыта. Дети играли в разные игры, и все способные бегать принимали участие в игре — и грациозные фрейлины, и стройные камер-юнкеры. И даже менее подвижные кавалеры, толстяки и страдающие одышкой обер-гофмейстеры ковыляли, похлопывая в ладоши, среди групп резвившихся детей.

Герцогиня подошла так близко к берегу пруда, что вода едва не касалась ее ног. Точно белоснежный лебедь, тихо колыхалось ее отражение в зеркальной поверхности. Некоторые из приближенных дам принесли ей венок из дикого винограда и полевых цветов, он оттенял ее лоб и спускался длинными зелеными гроздьями на ее роскошные плечи.

¹ Кстати (фр.). (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

— Офелия! — воскликнул барон Майнау вполголоса, в патетическом жесте подняв руку, и в тоне, каким он это произнес, прозвучал неприкрытый сарказм.

Спутник его заволновался.

— Ну, к чему это, ведь это чистая комедия, Майнау! — воскликнул он негодуяще. — Это может быть хорошо с дамами, которые трепещут перед тобой, как овечки, а не со мной.

Он сунул руки в карманы своего легкого пальто, поднял плечи и начал, лукаво улыбаясь:

— Однажды жили-были прекрасная, но бедная принцесса и блестящий, красивый молодой человек. Они любили друг друга, и ее высочество хотела отказаться от своего титула и сделаться простою баронессою... — Он на минуту умолк и бросил искоса взгляд на своего спутника, отметив, что красавец барон вдруг побледнел и, стиснув зубы, устремил такой жгучий взгляд в чашу, что, казалось, молодая листва должна была бы от него поблекнуть, а затем простодушно продолжил:

— Вдруг является кузен принцессы, владетельный принц, и просит ее прекрасной руки. Много горьких слез пролилось из чудных черных глаз, но под конец гордая кровь восторжествовала над страстью, и принцесса позволила возложить герцогскую корону на свои роскошные черные локоны... Положив руку на сердце, Майнау, — вдруг с живостью прервал он самого себя, — кто бы мог осудить ее тогда? Разве только глупые люди!

Майнау не положил руку на сердце и ничего не ответил; он в гневе сломал маленькую ветку, дерзнувшую коснуться его щеки, и далеко отбросил ее.

— Как должно биться сегодня ее сердце! — сказал Рюдигер после минутной паузы. Он, видимо, желал во что бы то ни стало продолжить интересный для него разговор. — Траур по мужу кончен. Герцогская гордость удовлетворена навсегда, потому что она герцогиня и всегда останется матерью владетельного принца. Ты тоже свободен от своих брачных уз. Обстоятельства так отлично складываются... и теперь ты меня не надуешь! Мы знаем, что сегодня должно произойти.

— Как же вы проникательны, подумать только! — воскликнул Майнау с притворным изумлением.

С этими словами они вышли на открытую поляну, где стояли экипажи. Не желая быть замеченными резвившимися детьми и толпой народа, наши друзья предпочли идти по тропинке, пролегающей вдоль берега.

— Эй, малый, ты с ума сошел! — воскликнул вдруг Майнау, схватив за шиворот здорового мальчика-оборванца, который избрал себе очень опасный пост — он качался, сидя на тонкой ветке, склонившейся над прудом. Встряхнув парнишку несколько раз, как мокрого пуделя, Майнау поставил его на ноги. — Положим, холодное купание не повредило бы тебе, любезный, — засмеялся он, похлопывая руками, затянутыми в изящные перчатки, — только я сомневаюсь в твоём умении плавать.

— Фу, как он грязен! — сказал Рюдигер, брезгливо морщась.

— Это правда, но уверяю тебя, что я не особенно брезглив к подобным прикосновениям — это просто плебейские замашки, в которых душа не принимает участия... Да, но, воля твоя, нам еще далеко до того совершенства, когда и тело наше проникнется аристократизмом и подобные замашки сделаются для него невозможными. Что? Ты не согласен?

Рюдигер с досадой отвернулся и ускорил шаг.

— Твой геройский подвиг замечен там, на Майенфесте, — сказал он торопливо. — Вперед, Майнау! Герцогиня покидает берег пруда... А вот и твой необузданный мальчик бежит!

Маленький Лео, обогнув пруд, быстро бежал навстречу отцу. Барон Майнау нежно поцеловал сына и повел его, взяв за руку.

Между тем игры на Майенфесте продолжались. Герцогиня в сопровождении нескольких дам и кавалеров медленно приближалась к ним... Она обладала еще и воздушной походкой, неподражаемой грацией и гибкостью креолки... Да, мрачное траурное платье было сброшено, как сбрасывает пестрая легкокрылая бабочка безобразную куколку. Долг был исполнен, приличия строго соблюдены, наконец можно было надеяться на

счастье, и глаза могли беспрепятственно гореть ярким пламенем страсти, что в настоящую минуту и происходило.

— Я должна побранить вас, барон Майнау, — сказала она нетвердым голосом. — Вы сейчас испугали меня своим героизмом. И потом, вы явились слишком поздно.

Он снял шляпу и, держа ее в правой руке, низко поклонился. Луч солнца заиграл на темных кудрях этого загадочного человека, перед которым женщины трепетали, «как овечки».

— Я вместе с другом Рюдигером мог бы заявить, что расстроен, — отозвался он, — но, боюсь, ваше высочество не поверит в это, когда я сообщу, что именно меня удержало.

Удивленная герцогиня вгляделась в его лицо — оно немного побледнело, но взгляд его, почти всегда загадочный, горел таким диким торжеством, что она невольно прижала руку к сердцу; цветок у пояса сломался и упал незамеченным к ногам красавца.

Напрасно ждал он вопроса царственной женщины: она молчала и тоже ждала, затаив дыхание. После минутного молчания он, почтительно поклонившись, продолжил:

— Я был в Рюдисдорфе, у тетки моей Трахенберг, и осмелюсь доложить вашему высочеству, что обручился там с Юлианой, графиней Трахенберг.

Все присутствовавшие при этом разговоре точно окаменели. Но у кого достало бы мужества хотя бы одним звуком прервать это ужасное молчание или хотя бы бросить нескромный взгляд на герцогиню, которая стояла пораженная, крепко сжав побелевшие губы? Только племянница ее, молодая принцесса Елена, весело и непринужденно засмеялась и сказала:

— Что за дикая фантазия, барон Майнау, избрать себе жену с именем Юлиана? Юлиана! Фу! Ее иначе себе и представить нельзя, как с очками на носу.

Майнау тоже засмеялся, и как мелодичен и простодушен был его смех!.. Это был спасительный исход. Герцогиня тоже улыбнулась своими смертельно бледными губами. Она сказала несколько слов жениху таким невозмутимо спокойным голосом

и с таким достоинством, как может приветствовать своего подданного только повелительница.

— *Mesdames*, — непринужденно обратилась она к группе молодых фрейлин, — к сожалению, я должна снять ваш прелестный веночек. Он давит мне на виски, а потому я удаляюсь на минуту... Встретимся за обедом!

Она отказалась от услуг, предложенных ей одной из придворных дам, вошла в домик и затворила за собой дверь.

Цвет лица ее всегда напоминал нежную белую лилию, а прекрасные глаза нередко горели тем жгучим огнем, в котором сказывается южная кровь. Она, по обыкновению, улыбалась и приветливо кланялась и исчезала за дверью, подобно воздушной фее. Никто бы и представить не мог, что, войдя внутрь, она, как сраженная молнией ель, бессильно упадет возле кушетки на устланный мягким ковром пол, с безумным хохотом сорвет с головы веночек и, невыносимо страдая, вонзит тонкие ногти в драгоценную шелковую обивку... Только на одну минуту, так как все ее время было строго расписано придворным этикетом, она могла предаться горю, а затем эти бледные губы должны были опять улыбаться, чтобы окружающие не сомневались, что кипучая кровь бесстрастно течет в ее жилах.

Между тем барон Майнау стоял с сыном, которого по-прежнему держал за руку, на берегу пруда и, по-видимому, с любопытством присматривался к движению толпы у Вагенбурга. Его поздравили, но все придворное общество явно было потрясено, и вскоре он остался один. Вдруг Рюдигер подошел к нему.

— Ужасная месть! Блестящий реванш! — проговорил он, и голос его еще дрожал от ужаса. — Бр-р... И я скажу, как Гретхен: «Генрих, мне страшно за тебя!..» Боже мой! Видел ли кто когда-нибудь, чтобы мужчина удовлетворил свое оскорбленное самолюбие так жестоко, чтобы он так утонченно и так безжалостно поразил свою жертву, как ты сделал это сейчас? Это безумно, смело, возмутительно!

— Потому что я выразился не в общепринятой форме и не заявил: «Теперь я не хочу!..» Неужели вы думаете, что я позволю себя женить?

Маленький подвижный господин искоса робко взглянул на него: этот утонченно вежливый Майнау бывал иногда очень резок, чтобы не сказать груб.

— Я утешаю себя тем, что при всей твоей жестокой и непреодолимой гордости ты все-таки очень страдаешь, — почти сердито сказал он после непродолжительного молчания.

— Надеюсь, что ты предоставишь мне возможность самому справиться с собою.

— Ах, боже мой! Разумеется... Но что же дальше?

— Что дальше? — рассмеялся Майнау. — Дальше свадьба, любезный Рюдигер.

— В самом деле? Да ведь ты никогда не бывал в этом Рюдисдорфе — это я наверняка знаю... Значит, это наскоро приобретенная невеста из Готовского альманаха?

— Угадал, друг.

— Гм!.. Она знаменитого рода, но... но Рюдисдорф, как известно, теперь опустел... Какова же она собою?

— Добрейший Рюдигер, это двадцатилетняя жердь с рыжими волосами и потупленным взором — больше я ничего не знаю. Ее зеркало должно лучше это знать... А, да что в этом?.. Мне не нужно ни красивой, ни богатой жены — она должна быть только добродетельна, не должна так вести себя, чтобы мне пришлось за нее краснеть. Ведь ты знаешь мои воззрения на брак.

Та же самая жестокая, гордая улыбка, какая только что заставила побледнеть герцогиню, промелькнула на его губах — очевидно, он вспомнил о «блестящем реванше».

— Что же мне остается делать? — спросил он с наигранной беззаботностью после некоторого молчания. — Дядя прогнал гувернера Лео за то, что тот по ночам читал, лежа в постели, и носил сапоги со скрипом, а наставница имеет скверную привычку то и дело отводить глаза и мимоходом тайком лакомиться с подносов конфетами — она просто невозможна! Я же на-

мерен в скором времени предпринять путешествие на Восток, *ergo*¹, мне нужна дома жена... Через шесть недель назначена моя свадьба — хочешь быть у меня шафером?

Маленький господин переминался с ноги на ногу.

— Что же с тобой поделаешь! Разумеется, я буду, — отвечал он полугневно, полушутливо, — потому что из тех, — и он указал на группу перешептывавшейся и пересмеивавшейся молодежи, — из тех никто не пойдет к тебе в шафера, в этом ты можешь не сомневаться.

— Слышишь, Габриель, — сказал вслед за тем взволнованный маленький Лео своему товарищу, — новая мама, которая к нам скоро приедет, похожа на жердь, говорит папа, и волосы у нее рыжие, как у нашей судомойки... Я ее терпеть не могу, я не хочу ее и стану бить ее хлыстом, когда она приедет.

¹ Следовательно (*лат.*). (Примеч. ред.)

ГЛАВА 3

— Посмотри-ка, Лиана, подарок Рауля! Он стоит шесть тысяч талеров! — послышался голос графини Трахенберг из другой комнаты, после чего она сама показалась на пороге.

Зал, куда она вошла, находился в нижнем этаже одного из боковых флигелей замка. Весь его фасад представлял одну сплошную застекленную раму гигантских размеров с тонкими свинцовыми переплетами, отделявшую покои нижнего этажа от террасы. Отсюда открывался вид на лужайки, полные цветов и прорезанные дорожками, усыпанными мелким гравием. На пересечениях этих дорожек стояли скульптурные группы из белого мрамора. Этот изящный цветник был окружен рощей, казавшейся непроходимым лесом. Как раз против средней стеклянной двери зала пролежала сквозь чащу бесконечной длины прямая аллея, заканчивавшаяся высоко бьющим фонтаном, освещенным теперь чудным сиянием майского солнца.

В общем замок и сад являли собой образец старофранцузского вкуса, но — увы! — на каменном фундаменте террасы зеленел мох, ступени поросли травой, которая пробивалась и на дорожках. Даже на широкой аллее виднелась изумрудная трава... Но чего только не насмотрелся украшенный великолепною живописью потолок зала, прилегавшего к террасе! Теперь он печально нависал над расставленной у стен мебелью в стиле рококо. Эта мебель, уже вышедшая из моды, давно была изгнана из парадных комнат замка, выдержала все стадии унижения и, наконец, дожидая до того, что была перенесена в комнату конюха и в числе прочего хлама скрывалась под густым слоем пыли... Но вот она опять очутилась на прежнем месте, как неподкупный свидетель превратностей судьбы. Вытеснившая ее когда-то роскошная обстановка — новая изящная мебель, кружевные гардины, часы, картины, зеркала — все подверглось

общей неизбежной участи, все пошло с молотка и разошлось во все стороны. Тогда-то старинная мебель, не подлежавшая как фидеикоммис¹ секвестру², наложенному на все имущество графа Трахенберга, поставлена была на прежнее место. Этот «постыдный признак беспокойного времени, возмутительная победа, которую правосудное небо не должно было бы допускать», как постоянно повторяла графиня Трахенберг, случился четыре года тому назад.

Среди этого зала стоял длинный дубовый стол, за одним концом которого сидела девушка, поразительно некрасивая собой. Можно было просто испугаться при виде ее непомерно большой головы с жесткими рыжими волосами и с физиономией негра, с тою только разницей, что кожа ее, хотя и покрытая веснушками, была необыкновенно бела и нежна. Только проворно работавшие руки были чудно хороши, точно изваянные из мрамора. Девушка вертела между пальцами ветку лиловой сирени, и казалось, чудный аромат исходил от этой ветки и наполнял комнату — так свежа была она; но стебелек ее в эту минуту обвивался тонкой полоской зеленой бумаги, почему только и можно было догадаться, что это был искусственный цветок.

При появлении графини девушка вздрогнула от испуга, цветок полетел в сторону к прочим материалам, а на молчаливых свидетелей ее занятий был наброшен платок.

— Ах, мама! — воскликнула вполголоса юная девушка, стоявшая у другого конца стола, спиною к двери.

Волосы ее, рыжие с красноватым отливом, были совершенно распущены и, подобно золотой мантии, покрывали ее плечи до самого подола ее светлого кисейного платья.

Увидав ее с распущенной косой, графиня на секунду замедлила шаг.

¹ В германском праве родовое имущество, отчуждавшееся и передававшееся по наследству в особом порядке. (*Примеч. ред.*)

² Запрещение или ограничение, налагаемое государственной властью на пользование или распоряжение имуществом. (*Примеч. ред.*)

— Почему ты растрепана? — спросила она, указывая на волосы.

— Я возвратилась домой с сильной головной болью, милая мама, и поэтому Ульрика расплела мне косы, — робко ответила молодая девушка. — Ах, это ужасная тяжесть! — вздохнула она и запрокинула голову, как бы изнемогая под тяжестью роскошных волос.

— Ты опять бродила по этой жуткой жаре и нанесла сюда негодной травы для забавы мужиков? — спросила графиня гневно и строго. — Когда же настанет конец этому ребячеству?

Она пожала плечами и бросила презрительный взгляд на стол. На нем лежала целая кипа папиросной бумаги рядом с прессом, из-под которого молодая девушка только что вынула несколько орхидей, чтобы уложить их в гербарий. Ее сиятельство графиня Трахенберг, урожденная княжна Лютовиская, знала очень хорошо, что старшая дочь ее, графиня Ульрика, занималась изготовлением искусственных цветов, которые посылались в Берлин, где весьма неплохо оплачивались. В этом деле ей помогала старая кормилица, и никто не подозревал, что голову искусной мастерицы украшала графская корона... Графине также было известно и то, что ее единственный сын и наследник замка Трахенберг с помощью своей сестры Юлианы отлично высушивал презренную, непотребную траву и в виде комплекта образцов чужеземной флоры продавал в Россию от чужого имени. Но урожденная княжна Лютовиская не должна была этого знать — и горе той руке, которую она застала бы за неприличной работой, или языку, который решился бы намекнуть на источники увеличения доходов семьи: это было просто забавой, на которую следовало смотреть сквозь пальцы, — и более ничего!

Проходя мимо, графиня подхватила волосы дочери и взвеса в руке их «ужасную тяжесть». Что-то похожее на чувство материнской гордости промелькнуло на ее еще прекрасном, с резкими чертами лице.

— Рауль должен был это увидеть, — сказала она. — Глупенькая, ты скрыла от него свое лучшее украшение! Я никогда не прошу тебе тех огромных бархатных бантов, которые ты придумала надеть на голову в первый визит его к нам... С такими волосами...

— Да ведь они рыжие, мама.

— Вздор! Вот эти рыжие, — сказала она, указывая на другую свою дочь, Ульрику. — Боже меня избави от двух рыжих голов! За что такое жестокое наказание?

Графиня Ульрика, вынувшая между тем из кармана какое-то вышивание, сидела, как статуя, и слушала беспощадные слова эти с невозмутимым спокойствием. Ни один мускул на ее лице не дрогнул: ведь ее красавица мать была права. Сестра подбежала к ней и, ласкаясь, положила голову ей на грудь, а потом принялась с нежностью целовать ее рыжие волосы.

— Сентиментальности без конца! — раздраженно проворчала графиня Трахенберг и положила на стол принесенный с собой большой пакет.

Взяв со стола ножницы, она торопливо вскрыла его и вынула оттуда футляр с ожерельем и белую шелковую материю, затканную серебряными арабесками.

С необыкновенною жадностью набросилась она на футляр, открыла его и, держа в вытянутой руке, устремила испытующий взгляд на подарок; при этом она едва могла совладать с охватившим ее чувством неприятного удивления и зависти.

— Посмотрите-ка! Моя скромная овечка предстанет пред алтарем более прекрасной, нежели знаменитая княжна Лютовиская, — проговорила она медленно, подчеркивая каждое слово и играя в лучах солнца ожерельем из бриллиантов и крупных изумрудов. — Да, конечно, для Майнау это возможно! А ваш отец был бедняк, я должна была бы еще тогда это заметить.

Ульрика вскочила, как будто мать ударила ее по лицу. В некрасивых, но выразительных, опущенных длинными ресницами голубых глазах ее сверкнула искра негодования; но, овладев

собой, она села и, продергивая зеленую нить в шитье, сказала серьезным, монотонным голосом:

— Трахенберги обладали тогда большим состоянием, оценивавшимся в полмиллиона. Они, кажется, всегда отличались бережливостью и умением жить, и мой дорогой отец оставался верен этим добродетелям до сорокового года своей жизни, когда он женился... Я вместе с чиновниками пыталась пролить свет на этот хаос, а поэтому знаю, что отец обеднел только вследствие своей безграничной уступчивости.

— Бессовестная! — выкрикнула графиня, и приподнятая рука ее невольно сжалась в кулак, но в ту же минуту опустилась в презрительном жесте. — Ты всегда защищаешь твоих Трахенбергов; у меня с тобой ничего нет общего, кроме того, что я дала тебе жизнь. Ты в этом еще больше убедишься, когда помотришь на всех своих предков, собранных в портретной галерее, где рыжеволосые обезьяны покрывают стены сверху донизу! Недаром я плакала и проклинала судьбу, когда тридцать лет тому назад положили мне на колени новорожденное чудовище, живую Трахенберг!

— Мама! — воскликнула Лиана.

— Успокойся, успокойся, дитя! — уговаривала ее, кротко улыбаясь дрожащими губами, сестра.

Она свернула свою вышивку и поднялась с места. Сестры были одинакового роста, стройные, как сильфиды, с благородными красивыми руками и ногами, гибкой талией и по-детски неразвитым бюстом.

В то время как мать гневно бросила на стол футляр с ожерельем, Ульрика не спеша развернула шелковую материю. Необыкновенно плотная, она скорее походила на парчу времен наших прабабушек и была такой тяжелой, что выскользнула из ее рук и, шурша и шипя, упала на паркет. Бросив испуганный взгляд на драгоценную ткань, Лиана отвернулась и стала всматриваться вдаль так пристально, как будто решила во что бы то ни стало пересчитать золотистые брызги отдаленного фонтана, сверкавшие на солнце подобно алмазам.

— Ты будешь величественной невестой, Лиана... Ах, если бы отец мог видеть тебя! — воскликнула Ульрика.

— Рауль издевается над нами, — прошептала глубоко оскорбленная девушка.

— Он издевается над нами? — переспросила графиня, от тонкого слуха которой не ускользнули слова дочери. — В своем ли ты уме? Не будешь ли так любезна объяснить мне, каким образом может он издеваться над Трахенбергами?

Лиана молча указала на полинявшую обивку старомодной мебели, возле которой лежала роскошная ткань на подвенечное платье.

— Можно ли вообразить себе более поразительный контраст, мама? Разве это не бестактно, не унижительно перед лицом бедности? — возразила она, стараясь преодолеть страх, внушаемый ей матерью.

Графиня Трахенберг всплеснула руками:

— Боже мой! И это я, я произвела на свет такие пустые головы с плебейскими воззрениями, которые меряют свое высокое положение на аршин торгаша!.. Унижительно! И это говорит графиня Трахенберг!.. Ты снисходишь до Майнау, согласившись на эту партию... Пойми ты это!.. Неужели я должна напоминать тебе, что твоя мать происходит по прямой линии от польских королей, а твои предки со стороны отца еще до крестовых походов были владетельными князьями? И если бы Рауль бросил к твоим ногам все сокровища мира, то и тогда это не перевесило бы знатность твоего безупречного рода... Он не насчитает и десяти поколений предков, и ты скорее идешь на *mesalliance*¹. Если бы мне не была невыносима мысль, что у меня дома торчат две незамужние дочери, то я никогда не согласилась бы на его предложение. Он и сам хорошо это знает, в противном случае он не взял бы тебя в жены так необдуманно.

¹ Мезальянс (*фр.*) — брак с лицом низшего социального положения, неравный брак. (*Примеч. ред.*)

Молодая девушка стояла неподвижно, опустив сцепленные руки. Красновато-золотистые волосы ее падали теперь и на грудь, почти скрывая ее профиль, между тем как сестра ее молча, скорым шагом ходила взад и вперед по залу.

В эту минуту дверь, выходявшая в коридор, осторожно отворилась, и в ней показалась старая кормилица, исполнявшая теперь обязанности кухарки.

— Осмелюсь доложить вашему сиятельству, — сказала она почтительным и тихим голосом, — почтальон еще тут, и он не хочет больше ждать.

— Ах да! Я совсем забыла о нем. Ну, пусть он дожидается, пока я выйду к нему. Дай ему чашку кофе в кухне, Лена!

Служанка ушла, а графиня вынула из кармана записку.

— Почтальону надо дать на чай, да по этой повестке мы должны уплатить сорок талеров. Реймские купцы до того дерзки, что высылают заказанное мною для свадьбы шампанское наложенным платежом! Заплати! — обратилась она к Ульрике, подавая ей счет.

Яркая краска разлилась по некрасивому лицу дочери.

— Ты заказала шампанское, мама! — воскликнула она с изумлением. — О боже, и на такую громадную сумму!

Графиня Трахенберг злобно усмехнулась, показав при этом целый ряд искусственных зубов.

— Неужели ты думала, что я стану угощать гостей на свадебном завтраке смородиновой наливкой твоего изготовления? Впрочем, как я уже говорила, я никак не ожидала такой бессовестности со стороны купцов — требовать немедленной уплаты денег! — Она пожала плечами. — Теперь приходится, как говорят, *faire bonne mine au mauvais jeu*¹ и уплатить.

Молча отперла Ульрика письменный стол и вынула оттуда два свертка с деньгами.

— Вот все наше достояние, — сказала она решительно. — Тут тридцать пять талеров, но на них нам надо жить, потому

¹ Делать хорошую мину при плохой игре (фр.).

что не в одном Реймсе отказывают нам в кредите: во всей окрестности не дают нам ни одного лота¹ мяса без немедленной оплаты. Ты не можешь этого не знать, мама.

— Разумеется. Моя мудрая дочка Ульрика довольно часто проповедует мне на эту излюбленную ею тему.

— Я вынуждена идти на это, мама, — спокойно пояснила Ульрика, — так как ты часто забываешь, впрочем, это и понятно, что кредиторы сократили цифру нашего годового дохода с двадцати пяти тысяч до шестисот талеров.

Графиня Трахенберг зажала уши и бросилась к одной из стеклянных дверей, все жесты этой величественной дамы более подошли бы избалованному ребенку. Она рванула дверь, хотела было выбежать вон, но вдруг остановилась, точно вспомнила что-то.

— Ну, хорошо, — проговорила она, снова хлопнув дверью, по-видимому уже немного успокоившись, — только шестьсот талеров. Но позвольте же, наконец, спросить, на что они тратятся? Едим донельзя скудно — какой-то нищенский суп, а еще Лена кормит нас рисом, яйцами да молочными кушаньями до тошноты, а порции пекко, которыми ты ежедневно угощаешь нас, становятся все гомеопатичнее. К тому же я облеклась в этот вечный мундир, — тут она указала на свое черное шелковое платье, — который вы соблаговолили подарить мне к Рождеству. Все, что могло сделать мою отшельническую жизнь сколько-нибудь сносной, — новейшие французские книги, конфеты, духи — все это давно сделалось для меня недоступным... А потому я справедливо заключаю, что у тебя денег на расход больше, нежели ты показываешь!

— Ульрика никогда не лжет, мама! — воскликнула возмущенная Лиана.

— Не могу же я отослать обратно на почту извещение! — произнесла графиня. — Прошу закончить эту комедию и уплатить деньги по счету.

¹ Лот — дометрическая единица измерения массы, 12,8 г. (*Примеч. ред.*)

— Но где я возьму их? Надо отправить вино назад! — спокойно настаивала на своем Ульрика.

Мать с громким воплем бросилась навзничь на диван и разразилась истерическим хохотом.

Спокойно, со скрещенными руками стояла Ульрика у изголовья дивана и смотрела, как билась и металась графиня в истерическом припадке, и на губах ее мелькала горькая, ироническая усмешка.

— Бедный Магнус! — прошептала Лиана, указав на дверь соседней комнаты. — Как он там встревожится от этого шума! Пожалуйста, мама, успокойся! Магнус не должен видеть тебя в таком состоянии: что он подумает? — обратилась она не то просительно, не то с упреком к матери.

Возмутительную сцену дочерям не удалось предотвратить всевозможными уступками и покорностью. Лианой овладело справедливое негодование, какое ощущает человек с твердым характером при виде подобного малодушия. Девушка дрожала уже не от страха — чувствовалась уверенность в том, как она подняла руку, серьезно уговаривая мать. Но проповедь ее была гласом вопиющего в пустыне: крики и хохот продолжались.

Дверь в соседнюю комнату действительно отворилась, и Лиана побежала к ней.

— Уйди, Магнус, останься там! — попросила она по-детски растроганным голосом и мягко постаралась удержать входившего брата.

На самом деле не требовалось большой силы, чтобы не впустить в комнату этого худенького и деликатного молодого человека.

— Пропусти меня, маленький Фамулус¹, — сказал он ласково, умное лицо его светилось радостью. — Я все слышал и принес гонорар.

¹ В университетах некоторых стран ассистент, студент, находящийся в распоряжении профессора для выполнения поручений. (Примеч. ред.)

Но при виде графини, бившейся в судорогах на диване, он невольно замер на пороге.

— Мама, успокойся, — сказал он с дрожью в голосе, подходя к ней. — Ты можешь заплатить за вино. Вот деньги — пятьсот талеров, милая мама!

И он высоко поднял руку, в которой держал банковские билеты.

Ульрика тревожно глядела ему в лицо. Она сильно покраснела, но брат этого не заметил. Он небрежно бросил деньги на диван, где лежала мать, и развернул принесенную с собой книгу.

— Посмотри, душа моя, вот она, наконец! — сказал он расстроганной Лиане.

Лежавшая на диване графиня начала успокаиваться. Со стоном провела она по глазам рукой, и сквозь сжатые пальцы ее взгляд, вдруг сделавшийся осознанным, устремился на книгу, которую сын держал в руке.

— Только не возгордись, мой милый маленький Фамулус! — проговорил Магнус. — Наша рукопись вернулась к нам изящным изданием. Она одобрена наукой и победоносно проходит сквозь перекрестный огонь критики. Ах, Лиана, прочти письмо издателя!

— Молчи, Магнус! — сурово и повелительно прервала его Ульрика.

Но графиня Трахенберг уже сидела на диване.

— Что это за книга? — спросила она.

Ни в грозных чертах ее лица, ни в повелительном тоне не было и следа только что прекратившегося истерического припадка.

Ульрика поспешно взяла из рук брата книгу и обеими руками прижала ее к груди.

— Это сочинение об ископаемых растительного царства, написанное Магнусом, а Лиана снабдила его рисунками, — пояснила она.

— Подай сюда, я хочу ее посмотреть!

Взглянув с упреком на брата, Ульрика подала нерешительно книгу. Лиана же побледнела и сначала судорожно сжала свои тонкие пальцы, а потом закрыла ими лицо. Она с детства привыкла бояться этого выражения лица матери, как едва ли боялась адских мук, которыми грозила ей когда-то няня.

— «Ископаемые растения, сочинение графа Магнуса фон Трахенберга», — громко прочла графиня.

Гневно сжав губы, она с минуту пристально и уничтожающе смотрела поверх книги в лицо сына.

— А где же имя художника? — спросила она, переворачивая заглавный лист.

— Лиана не захотела указывать своего имени, — сказал молодой человек совершенно спокойно.

— А, так хоть в одной из этих голов нашлась искра здравого рассудка, пусть слабое, но сознание своего положения!

Она принужденно захохотала и отбросила от себя толстый том с такой силой, что он с шумом пролетел через открытое окно и шлепнулся на каменные ступени террасы.

— Вот где место этой чепухе! — воскликнула она, указывая на книгу, которая при падении открылась на одном из великолепных рисунков, изображавших допотопный папоротник. — О трижды счастливая мать, какому сыну дала ты жизнь! Слишком малодушный, чтобы сделаться солдатом, слишком ограниченный, чтобы быть дипломатом, он, потомок князей Лютовиских, последний граф Трахенберг, унижает себя до того, что сочиняет книги за плату!

В страстном порыве неудержимого горя Лиана обвила руками худенькие плечи брата, который, видимо, всеми силами старался сохранить внешнее спокойствие, слыша такие оскорбления.

— Мама! Как можешь ты обижать Магнуса? — вспылила молодая девушка. — Ты называешь его малодушным? Но не он ли семь лет тому назад, с риском для собственной жизни, вытащил меня из пруда? Да, он решительно отказался от военной службы, но только потому, что его кроткое и мягкое сердце

противится кровопролитию... По-твоему, он слишком ограничен, чтобы быть дипломатом, — он, неутомимый и глубокий мыслитель? О, мама, как ты жестока и несправедлива к нему! Он ненавидит лицемерие и не хочет осквернять свой благородный и высокий ум шахматными ходами дипломатического искусства. Я тоже горжусь, очень горжусь своим старинным родом, но никогда не пойму, почему дворянин должен непременно владеть мечом или быть дипломатом.

— А теперь я спрошу, — прервала сестру Ульрика, выходявшая поднять книгу. — Что достойнее имени Трахенбергов: быть творцом замечательного труда или быть в числе несостоятельных должников?

— О, ты! — прошипела графиня, задыхаясь от гнева. — Ты, бич моей жизни! — И она, как безумная, стала метаться по залу. — Не понимаю, что же заставляет меня жить с тобой, — сказала она вдруг со зловещим спокойствием. — Ты уже давно не в том возрасте, когда цыпленку нужно еще покровительственное крыло матери. Я слишком долго терпела тебя, теперь даю тебе волю, неограниченную волю. Поезжай, если хочешь, в продолжительное путешествие по всему свету, ступай куда угодно, только поторопись освободить мой дом от своего присутствия!

Граф Магнус схватил руку девушки. Все трое — брат и две сестры — стояли, дружно обнявшись, перед бессердечной женщиной.

— Мама, ты вынуждаешь меня в первый раз заявить о своих правах как наследника Рюдисдорфа, — сказал тихий и кроткий ученый, покраснев от волнения. — По условиям кредиторов только я имею право на замок и на доходы с него... Ты не можешь лишать Ульрику родного крова — она живет здесь у меня.

Графиня повернулась к нему спиной и направилась к двери. Сын был так неоспоримо прав, что у нее не нашлось ни одного слова для возражения. Она уже взялась было за ручку двери, но вдруг обернулась к нему.

— А ты не смей ни одного гроша из этих предательских денег смешивать с нашей расходной кассой! — потребовала она от

Ульрики, указав на лежавшие на диване пятьсот талеров. — Я лучше с голоду умру, нежели дотронусь до чего-нибудь, купленного на эти деньги... За вино я сама заплачу. Слава Богу, у меня довольно еще серебра, уцелевшего после крушения. Пусть же это серебро, на котором ели мои предки, обратится в деньги, по крайней мере, мне будет утешением сознавать, что я угощаю гостей по-княжески, а не на заработанные деньги... Ты же будешь должным образом наказана, — обратилась она к Лиане, — за то, что и ты восстала против матери! Переезжай в Шенверт! Майнау, Рауль, а еще более его старый дядя, вытрясут из тебя сентиментальность и ученые бредни.

С этими словами она вышла, так сильно хлопнув дверью, что эхо разнеслось под сводами всех, даже отдаленных, коридоров.